

Игорь Орлав

Дом с отдельными дверями

КодМЫ

Современный
любовный роман

Игорь Орлав

Дом с отдельными дверями

<https://litres.ru/74548483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женя и Пётр живут через площадку. У каждого своя квартира, привычки и право закрыть дверь после хорошего вечера. Их роману, кажется, ничто не мешает — пока к Петру после больницы не переезжает мать. Просьбы «на четыре минуты» отнимают у Жени рабочее время, а усталость Петра всё чаще похожа на равнодушие. Как остаться близкими, если забота нужна каждый день, а время и силы у каждого свои?

Содержание

1. Чужой рукав	5
2. До половины десятого	10
3. На целый вечер	15
4. Сумка с охристым карманом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Орлав

Дом с отдельными дверями

Все персонажи и события вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

1. Чужой рукав

Женя прихватила дверью рукав чужого пальто и успела подумать, что это самое решительное её знакомство за последние годы.

Человек на площадке не дёрнулся. Постоял, глядя на ткань, исчезнувшую между дверью и косяком, затем посмотрел на неё.

— Я, собственно, хотел спросить, у вас тоже света нет?

Она снова нажала на ручку. Рукав освободился, а виноватый кусочек подкладки остался торчать из манжеты.

— Простите. Я думала, курьер. От них надо быстро закрываться, пока не попросили принять ещё шесть пакетов.

— Я без пакетов.

В подтверждение он поднял руки. В одной был маленький фонарь, в другой — бумажный каталог настольных ламп. Снаружи, в круглом окне над лестницей, висели синие февральские сумерки. За три года, что этот сосед жил в сорок второй квартире, Женя знала о нём три вещи: он выносит мусор без телефона, придерживает дверь лифта и никогда не ставит обувь на площадке. Имя, кажется, Пётр. Или Павел.

— И у меня, — сказала она. — Самое обидное, что я как раз закончила.

— Готовить?

— Работать. Теперь узнаю, закончила ли.

Он не понял, но не стал делать понимающее лицо. Это ей понравилось.

В квартире за её спиной коротко пискнул бесперебойник, которому осталось совсем недолго терпеть чужую неосмотрительность. Женя обернулась и увидела, что монитор ещё светится. Она бросилась к столу, сохранила открытый проект и выключила компьютер. Вернувшись, застала соседа на том же месте: он держал фонарь так, чтобы освещать порог, а не её прихожую.

— Успела?

— Да. Вы послужили напоминанием.

— Обычно я по лампам. Пётр.

— Женя.

Он перевёл луч вниз. Они всего лишь назвали друг другу имена. Но теперь молча разойтись казалось страннее, чем остаться.

У Петра оказалась газовая плита и уже вскипевший чайник. У Жени — такие же газ и чайник, но почему-то они постановили, что пить будут у неё: в её кухонном окне оставался свет от вывески булочной. Пётр принёс кипяток в термосе. В прихожей сам спросил, где оставить ботинки, и аккуратно поставил их носами к стене. Он был высоким, чуть сутулился, и Жене пришлось поднять подвесную корзину с шарфами, чтобы он не задел её лбом.

На кухне она разлила чай в две разные чашки. Вторую, широкую, с неудачно нарисованной грушей, она давно не

доставала. В повседневном употреблении хватало одной; остальные служили для гостей, чьи визиты требовали предварительной уборки.

Пётр сел боком к окну. У него было вытянутое лицо, светлые редеющие волосы и небольшая привычка: прежде чем взять со стола предмет, он как будто прикидывал, действительно ли тот ему нужен. Даже чашку поднял не сразу.

— Я записи монтирую, — сказала Женя, отвечая на прежний непроизнесённый вопрос. — Книги. Чтобы чтец не кашлял посреди признания в любви и не открывал дверь курьеру в двенадцатом веке.

— Бывает и такое?

— На прошлой неделе в осаждённую крепость приехала стиральная машина.

Пётр улыбнулся без звука. Потом стал рассказывать о покупательнице, которая трижды возвращала торшер: при нём муж выглядел слишком усталым. Она просила свет, «как раньше», и никто в магазине не знал, что ей показать.

Женя сначала засмеялась, затем перестала. В окне напротив мужчина в белой майке переставлял цветок с одного подоконника на другой. Растение закрывало ровно половину его головы.

— Возможно, она и сама не знала, — сказала Женя.

— Я ей предложил приехать днём. С мужем.

— Приехала?

— Одна. Купила два бра.

Они посмотрели на человека с цветком. Тот внезапно поднял обе руки, будто сдавался кому-то невидимому, и ушёл из комнаты.

— Развод, — сказал Пётр.

— Пересадка. У них там спор о горшке.

— Тогда тяжёлый развод.

Женя смеялась, прижимая к груди тёплую чашку. При электрическом свете, наверное, нашлось бы что поправить: крошки, стопку квитанций, собственные короткие волосы с серебряной прядью, которые она утром примяла наушниками. В темноте всё находилось на своих местах.

Свет дали через сорок минут. Холодильник громко вспомнил о работе. Пётр тотчас встал.

— У тебя, наверно, ещё дела.

— У меня уже нет. Но завтра рано вставать.

Она сказала это по старой привычке, хотя раньше девяти ей было не нужно. Он кивнул, не попытавшись превратить вечер в начало чего-нибудь обязательного. На площадке Женя спросила про рукав. Пётр осмотрел манжету.

— Цел. Пальто подготовлено к общению.

Двери их квартир стояли под прямым углом. Он повернулся к своей, она осталась у своей. Расстояния между ними хватило бы для двух шагов, но оба вдруг замешкались.

— Спасибо за чай, — сказал Пётр.

— Он был ваш.

— Тогда за грушу.

Когда дверь закрылась, Женя отнесла чашки в раковину. Широкую вымыла и поставила впереди, не убирая обратно на верхнюю полку. Потом проверила проект. Всё сохранилось. На записи чтец вздыхал перед очередным признанием; Женя послушала этот вздох и оставила его.

2. До половины десятого

Пётр написал ей через два дня. Номер он попросил на лестнице под приличным предлогом: вдруг снова отключат свет. Сообщение было про среду.

«Есть лишний кусок пирога. Выходить на доставку?»

Женя посмотрела на часы: восемь сорок. Через двадцать минут она собиралась идти в бассейн на позднюю дорожку. Можно было отменить, как она уже отменяла по меньшим причинам, но тогда вечер начался бы с тайного счёта: я уже пожертвовала, а он даже не знает.

Она написала: «Сегодня уйду. Завтра пирог ещё будет лишним?»

Ответ пришёл сразу: «Завтра будет. Я отвечаю за его безопасность».

На следующий день Женя сама постучала в сорок вторую. Пётр открыл в сером домашнем джемпере и с яблочной кожурой на плече. Оказалось, пирог предназначался не специально для неё. Мать передала целый противень: знала размер его духовки, размер холодильника и то, что он один, но всякий раз будто надеялась застать у него роту.

Квартира была похожа на его движения. Ничего лишнего на пути. В единственной комнате стояли кровать, шкаф и низкий стеллаж; на кухне — узкий диван и стол у окна. Подоконник был пуст, окно приоткрыто.

— Тебе не холодно? — спросила Женя.

— Мне нет. Тебе?

Она хотела сказать «нормально», но он уже поднялся. Закрыл окно, достал из шкафа плед и положил рядом с ней, не набрасывая на плечи. На вид это было почти ничто. Когда-то её бывший муж на такую жалобу обязательно отвечал, что надо одеваться по погоде. В квартире тоже существовала погода, обычно его.

О прошлом они заговорили не сразу. Сначала спорили о пироге: Пётр любил край, она — середину. Потом выяснили, что оба терпеть не могут, когда в кино один персонаж не дослушивает другого, выбегает, и остаток фильма все ищут его под дождём.

— А если он как раз не хочет слышать? — спросил Пётр.

— Тогда пусть хоть зонт возьмёт. Это его собственная прихожая.

Он засмеялся и подвинул тарелку ближе.

Разговор шёл с промежутками. Жене не приходилось заполнять их отчётами о работе или рассказывать смешное, когда смешное кончалось. Иногда Пётр смотрел на неё, пока она говорила, а потом ещё секунду, когда уже замолчала. Она чувствовала этот лишний взгляд так отчётливо, как тёплую ладонь возле лица.

В половине десятого он поднялся за чайником. Женя заметила, как он на мгновение прикрыл глаза.

— Ты уже хочешь спать.

— Встаю в шесть. Привычка отвратительная, но надёжная.

— А почему не сказал?

— Ты рассказывала.

Ей было приятно. И слегка не по себе: ещё полчаса — и она превратилась бы в человека, которого терпят из вежливости. Женя сложила плед, встала и обещала в следующий раз закончить до половины десятого.

— Можно не заканчивать, — сказал он. — Можно продолжить.

За следующие недели у них появился порядок, который никто не утверждал. По вторникам Пётр заходил к ней после ужина; по пятницам они смотрели у него кино, потому что у него был диван удобнее. В среду он не предлагал встречаться. Женя перестала здороваться с ним на лестнице так громко, как будто они всё ещё случайные знакомые.

Они не оставляли еду под чужой дверью: площадка принадлежала не им. Не звонили без сообщения, если за стеной было тихо. Пётр однажды принёс запасной ключ и тут же смутился.

— У меня цветы... В общем, нет у меня цветов. Просто если захлопну.

Женя взяла ключ, повертела и вернула.

— У твоей мамы есть?

— Есть.

— А у меня есть номер мастера. Давай пока так.

Она ждала обиды, к которой заранее подбирала слова. Пётр сунул ключ в карман.

— Тогда мне не придётся заводить цветы.

Но той ночью Женя долго лежала с открытыми глазами. Восемь лет прошло после развода, шесть — с тех пор, как она окончательно поселилась здесь одна. За это время она научилась не скучать по присутствию человека в соседней комнате. Из этого получился удобный вывод: присутствие ей вовсе не нужно. Теперь оказалось, что через площадку сидит мужчина, к которому хочется вернуться ещё до того, как дошла до своей кухни.

Она знала, как называется это желание. Её смущала его простота.

В конце февраля они выбрались к реке. Пётр шёл со стороны дороги, но, когда Женя замедлялась у витрин, не тянул её вперёд. В закрытой мастерской на манекене висело недошитое зелёное платье с единственным рукавом. Пётр утверждал, что это готовая модель для женщины, которая одной рукой всё делает сама, а вторую наконец отдала отдыхать.

— Тогда ей нужен магазин с одним ботинком, — сказала Женя.

— Нет. Одной ногой она уходит из гостей.

Они принялись придумывать хозяйку платья. Сперва та оказалась путешественницей, потом водительницей пригородного трамвая, потом женщиной, которая просто устала шить. Последняя версия понравилась Жене больше всех.

Дойдя до остановки, они посмотрели на схему маршрута. Конечная находилась за старой текстильной фабрикой, возле пруда; ни он, ни она там давно не были. Пётр предложил доехать, когда станет теплее, погулять и съесть что-нибудь заведомо неподходящее для нормального обеда.

— Покупной коржик, — сказала Женя.

— Два. Чтобы не делать вид, что нам хватит одного.

На обратном пути он взял её за руку. Не в месте, где было скользко, и не ради перехода через дорогу. Варезка Жени оказалась слишком толстой, они неловко переставили пальцы. Она сняла её и сунула в карман. Пётр расстегнул свою перчатку.

Домой они пришли с холодными руками. Женя открыла свою дверь, Пётр — свою, и оба ещё постояли на площадке, не спеша расходиться. Впервые собственная кухня показалась ей продолжением того места, где они были вместе, а не убежищем после него.

3. На целый вечер

В марте у Петра появилась причина сердиться на субботний дождь. Прежде он сердился потому, что по субботам встречался с приятелями за городом и катался на велосипеде. Теперь дождь мешал гулять с Женей, а велосипед всё чаще стоял в тесной нише за входной дверью.

Сам Пётр считал, что ничем не поступился. Он никогда не любил говорить о цене удовольствия, если платил не деньгами. Казалось нелепым подсчитывать часы рядом с человеком, который заставлял его в понедельник ждать вторника. С Женей можно было заниматься чем угодно, даже ничем, — и день получался заметным.

В ту дождливую субботу она принесла из своей квартиры коробку с фотографиями. Собиралась разобрать её ещё на новогодних праздниках. Слова «разобрать фотографии» обещали спокойное дело на полчаса, но Пётр быстро понял, что у большинства лиц есть по три имени, а на обороте вместо года написано «хорошо получилось».

— Это ты? — Он показал на длинноволосую девушку на качелях.

— Нет, моя школьная подруга. Я вот.

Женя ткнула в край снимка. Там торчал локоть.

— Ты хорошо получилась.

Она фыркнула и села ближе. Пётр перестал видеть фото-

графию: возле его плеча оказалась её щека, маленькая родинка у уха, изгиб шеи над воротом футболки. Женя наклонилась, вытащила нижний снимок и принялась рассказывать, как они опоздали на последний автобус. Он слушал, удерживая фотографию за самый угол, чтобы она не заметила, что рука ему мешает.

На одном из снимков Женя стояла с бывшим мужем у большого окна. Она посмотрела внимательно, без спешки, и положила его в стопку, которую собиралась сохранить.

— Хороший был день, — сказала она. — Мы приехали выбирать обои и купили билеты в другой город. Обои ещё два года не меняли.

Пётр кивнул. Он не хотел спрашивать, почему они развелись, но заметил, что вопрос уже сидит между ними.

— Потом я стала отвоёвывать каждый вечер, — сказала Женя. — Сначала мне казалось, что хочу побыть одна. А потом поняла, что всё время одна, просто дома кто-то есть. Ты тоже был женат?

— Десять лет как нет.

— Долго?

— Женат — четырнадцать. Разведён уже почти догнал.

Они немного помолчали. В трубах за стеной шумела вода.

— Мы всё время собирались начать нормально жить, когда станет полегче, — сказал Пётр. — Когда ремонт, потом работа, потом её новая работа. В конце обнаружили, что умеем только собираться.

Он произнёс это ровно, хотя обычно говорил знакомым проще: не сошлись. Простая версия не заставляла вспоминать собственные вечера у телевизора, когда жена стояла в дверях и ждала, пока он оторвётся от экрана.

Женя убрала пустую коробку под стол. За окном так стемнело, что дождевые полосы сделались невидимыми.

— Ты сегодня до половины десятого? — спросил Пётр.

— Сегодня могу дольше.

— Я тоже.

Звучало так, будто они оба получили разрешение задержаться после занятий. Женя улыбнулась и отвернулась к окну. Пётр коснулся её руки. Он видел, как она перестала улыбаться, и на короткое мгновение испугался, что сделал что-то не то. Потом Женя повернулась к нему всем телом.

Первый поцелуй оказался коротким: Пётр задел носом её щёку, она невольно засмеялась, он отстранился. Женя поймала его за рукав.

— Я не против. Просто ты холодный.

— Окно?

— Нос.

Он хотел придумать что-нибудь в ответ и не придумал. Поцеловал ещё раз. Теперь она не смеялась.

Позже они разогревали ужин. Женя прислонилась к кухонному столу, а он возился с крышкой, которая никак не подходила к сковороде. Ничего вокруг не изменилось: узкий диван, мокрое окно, чайное пятно на подставке. И всё-та-

ки Пётр трижды оглянулся, чтобы удостовериться, что Женя ещё здесь.

В одиннадцать она ушла к себе. Он не предложил остаться и потом жалел, не показалось ли это холодностью. Уже в постели получил сообщение: «Мне нравится к тебе приходить. И что можно уйти к себе, тоже нравится».

Он написал: «Приходи завтра».

Ответила она не сразу. Пётр успел подняться за водой и решил, что поспешил. Потом телефон загорелся: «Завтра весь вечер. У тебя или у меня?»

На следующий день они готовили у Жени. Пётр резал лук слишком крупно, она резала его слишком медленно; в конце договорились поменяться ножами, и дело пошло не лучше. Смеялись уже над тем, что всё это обсуждают с такой серьёзностью. Ели из глубоких тарелок на диване, потому что стол занимала работа.

Пётр увидел на экране разноцветные дорожки и спросил, долго ли делать одну главу. Женя объяснила, что зависит от записи. Он ответил «понятно» и действительно подумал, что понял: сидишь в наушниках, слушаешь, где надо — поправляешь. Работу можно было остановить любой кнопкой. Он не спросил, что происходит с услышанным, когда остановиться приходится на полуслове.

В половине десятого Женя выключила кино, хотя до конца оставалось двадцать минут.

— Ты уже зеваешь через раз.

— Может, фильм такой.

— Хорошо. Оставим им время всё обдумать.

Пётр проводил пальцем по краю её ладони. Уходить не хотелось. Ему впервые за много лет нравился понедельник, который должен был наступить, потому что в нём тоже была Женья, через стену и немного по диагонали.

В конце недели позвонила мать. Спросила, куда делся её противень. Пётр сказал, что вымыл и привезёт. Мать помолчала, потом уточнила:

— А женщина, с которой ты этот пирог ел, тарелки тоже возвращает?

Он застыл с телефоном у уха.

— Мам, с чего ты взяла?

— Ты про край забыл попросить. Тридцать лет просил, а тут — не надо, мам, какой есть. Значит, кому-то середина нужна.

Пётр рассказал о Жене. Впервые произнёс вслух, что встречается с соседкой. Мать не стала ни радоваться особенным голосом, ни выяснять её возраст. Попросила познакомиться.

— Только не привози сразу на целый день. Я после трёх уже сама себе не нравлюсь.

4. Сумка с охристым карманом

На знакомство они не успели.

В последнюю неделю марта Лидия Андреевна слегла. Пётр узнал не от неё, а от Раи, которая пришла принести журнал и поняла, что подруга совсем не в силах разговаривать. Вечером Лидию Андреевну увезли в больницу с пневмонией.

Женя в это время выбирала фильм. У неё на кухне остывал ужин, и она уже отрезала два неровных куска хлеба. Пётр вошёл в куртке, хотя обычно снимал её прежде, чем переступить порог комнаты.

— Мама в больнице. Я поеду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.